

**ИЗ ИСТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ДЕРЕВНЕ ТАТАРСКОЙ АССР В 1920–1950-Е ГГ.:
РЕФЛЕКСИЯ МЕСТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ И НАСЕЛЕНИЯ²**

В статье рассмотрены прецеденты несогласия со стороны представителей местных властей и известных личностей республики с некоторыми фискальными мероприятиями, проводившимися на селе в период гражданской войны, коллективизации и хрущевских аграрных реформ. Они показывают, что характер фискальной политики был тесно связан с общей политической ситуацией в стране.

Ключевые слова: советская аграрная политика, фискальная политика, взаимоотношения центральных и региональных органов власти, Татарская АССР.

На предыдущей сессии аграрного Симпозиума нами поднималась тема проводившегося в Татарской АССР более жесткого, по сравнению со многими другими российскими регионами, курса аграрной политики, в том числе и при реализации фискальных мероприятий на территории региона [1, с. 520–532]. Закономерно поставить вопрос, как на это реагировала местная власть и авторитетные в республике личности.

Первый прецедент из данного рода событий относится к самому началу советского периода, еще до образования Татарской АССР, когда сложившаяся во времена гражданской войны аграрная политика большевистского государства носила откровенно экспроприационный характер. В начале 1918 г. во главе Казанского губернского продовольственного комитета находился левый эсер И. Штуцер. Необходимо отметить, что после провозглашения в Казанской губернии большевистской власти эсеры составляли весомую часть в ее руководящих структурах. 21 июня 1918 г. придерживавшийся либеральных взглядов эсер наркомпрод Штуцер издал приказ об отмене твердых цен и разрешил свободный провоз и закупку хлеба в пределах губернии. Утвердившиеся в Казанской губернской продовольственной коллегии эсеры добивались поднятия твердой цены с 4 руб. 75 коп. до 20 руб. Од-

¹ Галлямова Альфия Габдулнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани академии наук Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00306).

нако предложение Казанской губпродколлегии не было поддержано в центральных органах власти. Более того, через месяц после смягчения в Казанской губернии продовольственной политики в результате решений Штуцера В.И. Ленин потребовал реорганизовать Казанский губпродком и восстановить твердые общегосударственные цены [4, с. 259–263].

Аграрная политика большевиков вызывала оппозиционные настроения и в политических кругах только что образованной Татарской АССР. Они проявились на первой областной партийной конференции ТАССР. Так, выступавший на ней старый партийный работник Иван Дерунов, хорошо знавший условия Казанской губернии, прямо заявил, что старые уезды губернии «давно выкачаны до нитки» и что можно рассчитывать только на уезды, вошедшие в состав республики из других губерний. При этом он напомнил собранию о том, что с крестьянством не произведен расчет и за прежний урожай, что нет соли, не завезена мануфактура [4, с. 178].

30 сентября 1920 г. на первом пленарном заседании Совнаркома республики во время обсуждения «Воззвания к населению Татарской республики о выполнении продразверстки», которое по сути дела означало развертывание в деревне репрессивных методов по отношению к крестьянам, принципиальное несогласие с аграрной политикой центральных властей высказал ряд руководящих работников республики. Так, писатель и государственный деятель Шамиль Усманов отказался его подписать, объясняя, что «не хочет грабить свой народ». Его близкий соратник, народный комиссар земледелия Юнус Валиди назвал людей, настаивающих на принятии этого воззвания, «холуями Москвы» и «предателями нации».

Известный татарский историк Г. Губайдуллин писал, что «с татарского населения продразверстку можно было бы взять гораздо меньше». Но руководство республики во главе с М. Саид-Галиевым, не только не обратили внимания на подобные высказывания, они добились перевыполнения первоначального плана продразверстки. Позицию руководства республики ярко характеризуют, например, такие высказывания: «Перед интересами мировой революции татарский народ — ничто», «Нужно спасти революцию» [5, с. 179, 180]. В конечном счете, революционная сознательность руководства Татарии обернулась «вилочным восстанием» и катастрофическими размерами голода в республике. Судьба же лидеров, открыто выступивших против фискальных мероприятий в республике, оказалась трагичной: все они подверглись в разное время преследованиям и погибли.

Следующий момент сложных коллизий в отношениях между руководством Татарской республики и центральными государственными органами приходится на 1928 г., когда в аграрной стратегии государства четко обозначился поворот от нэпа к коллективизации. Татарс-

кая республика получила нереальный план хлебозаготовок, выполнение которого было возможно только путем дискриминации крестьянства. Между Москвой и Казанью установилась тесная переписка, в которой отображались разные позиции руководства Центра и региона. Из Москвы настойчиво требовали усилить темпы хлебозаготовок, из Казани пытались доказать невозможность выполнения директив, но не сразу. Вначале республиканское руководство пыталось безоговорочно выполнить распоряжения центральных органов. Так, 7 января за подписью И.В. Сталина из Москвы в Казань была направлена телеграмма: «Несмотря на двукратные – трехкратные твердые директивы ЦК об усилении хлебозаготовок, все еще нет никакого перелома в ходе хлебозаготовок, темп работы местных организаций недопустимо медленный. Спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскачался. Кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей. Рычаги власти и партии не приведены в движение. Промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовкам. Крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный актив не продали всех своих излишков, совхозы и колхозы также не весь товарный хлеб вывезли, причем есть случаи продажи ими хлеба частникам. <...> Не взысканы еще сельхозналог, страховые сборы, семсуды и срочные платежи по сельскохозяйственному кредитованию. <...>. Констатируя эти факты, ЦК обязывает вас добиться решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок со дня получения настоящей директивы, причем всякие оговорки и ссылки на праздники и т.п. ЦК будет считать за грубое нарушение партийной дисциплины»³.

В тот же день директива Москвы была спущена республиканским руководством на места. 6 февраля из Москвы приходит новая телеграмма с требованием применения репрессивных мер по отношению к укрывателям хлеба. На следующий день первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) М.М. Хатаевич потребовал немедленной конфискации хлеба по статье 107 УК РСФСР о репрессивных мерах по отношению к укрывателям хлеба. Причем, если Москва ставила вопрос о применении этой статьи к тем, кто имеет излишки в 2 тыс. пудов, Хатаевич дал распоряжение применять ее и к тем, кто имел излишек в 1 тыс. пудов. Более того, в Москву он сообщил, что 107 статья применялась даже к имевшим излишек в 500 и даже 300–400 пудов [4, с. 241]. Иначе непомерные требования центральных органов было невозможно выполнить.

Тем не менее, из Москвы почти ежедневно шли все новые распоряжения об усилении темпов хлебозаготовок. 24 февраля нарком торговли А.И. Микоян направил в республику телеграмму, в которой от-

³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-432. Оп. 3. Д. 119. Л. 33.

мечалось, что «хлебозаготовки в Татарской республике идут недопустимо плохо». И вот на требования, содержащиеся в этой телеграмме, Хатаевич уже отреагировал по-другому, пытаясь возразить. В своем ответе он отмечает: «Татария представляет из себя район серых хлебов и серой неприглядной экономики. <...> Она не может быть поставлена ни в какое сравнение не только со средними районами Украины, Северного Кавказа и Сибири, но и с соседней Башкирией, Самарой, Саратовом и губерниями Центрально-черноземной области». В конце письма его автор предупреждает, что «резкие указания сверху могут не дать желательных и нужных результатов». Месяцем позже он в письме на имя В.М. Молотова отмечал: «Нажим на деревню, доведенный до каждого в отдельности, имеющего хотя бы небольшие запасы хлеба крестьянского хозяйства и захватывающий не только кулаков и зажиточных, но и середняков, доведен у нас во вторую половину февраля и в начале марта до чрезвычайных пределов» [5, с. 241].

В конечном счете, руководство ТАССР не сумело переломить линию союзных органов. Печально знаменитая 107 статья в Татарии применялась повсюду, даже там, где население в основной своей массе по-настоящему голодало. С мест шли сигналы об обнищании деревни, о чрезмерности государственных требований к крестьянам. Так, секретарь Альметьевского волостного комитета сообщал: «Для того, чтобы выполнить все задания, приходится делать все жестокости, уже начинаем брать последние рубашки с полок и гусей, а об овцах и телках нет разговора». В сообщении Набережно-Челнинского канткома говорится, что «хлебозаготовки усилились, но должного темпа не достигнуто, пока заготовлено до 118 тыс. пудов январского задания, а всего нужно заготовить 510 тыс. пудов» [2, с. 221].

Степень разорения сел Татарии характеризует письмо из Чистополя члена кантонной тройки Клейменова на имя Хатаевича, датированное 1 июня 1928 г. Он сообщил, что, объездив 10 волостей, «не встретил ни одной копны на гумнах деревень. Проехал 300 верст, жадно искал глазами по гумнам необмолоченных копен хлеба и таковых не встречал. <...> Считаю нелишним сказать, что в граничащих с нами селениях Самарской губернии до сих пор крестьяне не знают, что такое хлебозаготовки со статьей 107. <...>. Там имеется большое количество хозяйств, имеющих до сих пор тысячи пудов излишков хлеба» [5, с. 242].

Однако подобные сигналы игнорировались, эскалация нажима со стороны властей не ослабевала. Обком партии продолжал действовать по указке союзных органов в реализации хлебозаготовительных кампаний, политики коллективизации и раскулачивания и добивался выполнения и перевыполнения всех плановых параметров. Наградой стал орден Ленина, которым в числе ряда других регионов Татарская АССР была удостоена в январе 1934 г. В то же время ряд местных партийных

и советских работников, пытаясь не допустить окончательного развала производительных сил деревни, спасти крестьян от голода, вопреки приказам формировали необходимые посевные и продовольственные фонды в колхозах, тем самым срывая планы реализации фискальных мероприятий. Руководители сельсоветов, выдвинутые, как правило, из числа местных жителей, скорее разделяли интересы крестьян, стараясь по возможности смягчить натиск государственных притязаний по отношению к односельчанам. Так, председатель волостного комитета Байрякинской волости рассматривал ужесточившуюся хлебозаготовительную кампанию как «принципиально не новую» и предлагал не торопиться с ее выполнением. В Бавлинской волости председатель Муртазинского сельсовета, явившись в канцелярию в пьяном виде, угрожая избиением, выгнал оттуда уполномоченного по хлебозаготовкам со словами: «Вон отсюда, ты как урядник, шкуру дерешь». При этом он «велел гражданам не платить и разойтись» [2, с. 222–223]. Такие руководители в массовом порядке снимались с работы, лишались партийного билета, обвинялись в правом оппортунизме, а нередко и высылались, обретая статус подкулачников.

И еще один яркий пример рефлексии властей Татарской автономии по поводу фискальных условий функционирования ее аграрной сферы приходится на 1950-е гг., период активных и успешных в масштабе всей страны аграрных реформ. Согласно новейшим разработкам российских аграрников, с которыми нельзя не согласиться, первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г. – наиболее успешный и результативный период в аграрном реформировании, нацеленный на решения назревших экономических и социальных проблем деревни [3, с. 397].

Главную ставку государство по-прежнему делало на экстенсивный путь развития, т.е. расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкирии. Поэтому основной поток инвестиций, выделенных на развитие аграрной сферы, шел в эти районы. Татарская республика, относясь к числу старопахотных регионов, по-прежнему не располагала достаточными средствами для модернизации отрасли.

Положение аграрной отрасли республики в середине 1950-х гг. усугублялось менее выгодными условиями, по сравнению с соседними регионами, экономических взаимоотношений колхозов с государством в лице МТС. Так, в районах ТАССР, расположенных севернее Камы, твердые ставки оплаты тракторных работ по зерновым культурам были почти в 2 раза выше, чем в граничивших с ними районах Удмуртской, Марийской, Чувашской АССР и Кировской области и имевших с ними одинаковые природно-климатические условия. К примеру, в ТАССР они составляли по пахоте 65 кг зерна с 1 га, в то время как у соседей – 35 кг. Аналогичная ситуация была и в районах ТАССР, расположен-

ных южнее Камы, которые имели одинаковые почвенно-климатические условия с Чкаловской (ныне Оренбургской), Куйбышевской (ныне Самарской) и Ульяновской областями. Но, несмотря на это размер твердых ставок натуральной оплаты работ по зерновым культурам для колхозов Татарстана был установлен по пахоте 65 кг с 1 га против 50 кг для колхозов соседних областей. Такое же положение наблюдалось и по другим видам тракторных работ: боронованию, культивации, лушению, дискованию, перепашке, посеву⁴.

В 1954 г. Татарский обком КПСС обратился с просьбой пересмотреть создавшееся положение. В результате ставки натуроплаты были снижены по 27 северным районам Татарстана. Но даже после этого они оставались более высокими, чем в колхозах Удмуртской, Марийской АССР и Кировской области. По черноземным районам ситуация и вовсе не менялась. Более 30 % колхозов в середине 1950-х гг. не справлялись с выполнением государственных заданий по поставкам сельскохозяйственной продукции и числились отстающими. В 1956 г. уровень дохода в расчете на 1 га сельхозгодий составил в среднем по колхозам республики только 140 руб. Это был один из самых низких уровней доходности колхозов в России⁵.

В 1956 г. секретарь Татарского обкома КПСС П.В. Ураев вновь обратился к Н.С. Хрущеву с просьбой пересмотреть вопрос по южным районам республики. Реакции из Москвы не последовало. Между тем, в 1957 г. положение аграрной отрасли республики достигло критического уровня. В очередной раз с вопросом о пересмотре размера госпоставок руководство республики обратилось в ЦК КПСС, делая упор на объективные трудности развития сельского хозяйства: сокращение производства зерна в 10 восточных районах из-за развития нефтяной промышленности.

Для анализа сложившейся в сельском хозяйстве ситуации в Татарскую АССР была направлена бригада ЦК КПСС. Проверяющие увидели беспросветную нужду, отчаяние колхозников и сделали однозначный вывод об отсталом состоянии аграрной отрасли в республике. При этом главную вину за создавшееся положение они возложили на руководство республики. Острая критика в его адрес, в особенности ответственных за развитие сельскохозяйственной отрасли, прозвучала со стороны местных руководителей на состоявшемся в марте 1957 г. пленуме обкома КПСС.

В отличие от первых двух описанных эпизодов все закончилась тем, что Татарской республике была оказана существенная материальная помощь, смягчены условия фискальной политики. В июле 1957 г.

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 35. Д. 138. Л. 149.

⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 83. Л. 81.

Совет министров РСФСР принял постановление «Об оказании помощи сельскому хозяйству Татарской АССР». Колхозам республики был уменьшен план обязательных поставок зерна на 40 тыс. т, списана задолженность прошлых лет по натуральной оплате за работы МТС зерна — 101 800 т, мяса — 480 т, сена — 2900 т и картофеля — 24 100 т, а также задолженность по денежным платежам. Совхозам и МТС были выделены тракторы, комбайны. В республику был завезен породистый скот: КРС бестужевской породы, телята швицкой и костромской породы, свиньи-хряки крупно-белой породы, бараны породы «Прекос», «Советский меринос», «Алтайский меринос», тонкорунные овцы. Широкие мероприятия разрабатывались в области механизации животноводства. На 500 животноводческих фермах в 1958–1960 гг. предусматривалось строительство механизированной подачи воды. Масштабные задачи были намечены после московской проверки и в сфере электрификации сельского хозяйства ТАССР. Согласно принятой в 1957 г. программе предусматривалась электрификация 700 колхозов.

Рассмотренные прецеденты в области проведения фискальной политики в Татарской АССР показывают, что она была тесно связана с общими принципами аграрной стратегии государства. В этой связи интересно отметить, что инициаторы смягчения аграрного курса в Татарской АССР в 1920–1930-е гг. были репрессированы, а в 1950-е гг. секретарь Татарского обкома КПСС П.В. Ураев, упорно обращавшийся в вышестоящие инстанции по поводу ущемления аграрной сферы Татарской АССР, не только не был как-то наказан, а даже пошел на повышение, став первым секретарем Марийского обкома КПСС.

На наш взгляд, эти факты, имеющие прямое отношение к проводившейся в стране фискальной политике, служат весьма яркими маркерами поворотов в региональной политике, индикаторами ее характера. В ней, безусловно, превалировал диктат центра и ведомственный монополизм, которые подавляли инициативу и ограничивали функции территориального управления. В советский период преобладали не просто унифицированные подходы, которые во многом нивелировали все разнообразие территориальной уникальности страны, но и ущемляли интересы отдельных регионов. Недостаточный учет местной специфики часто тормозил проведение региональной политики и сводил на нет многие начинания реформирования экономики.

Литература

1. *Галлямова А.Г.* Аграрный ракурс советской модернизации в 1950-х — середине 1980-х годов (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.

2. *Галлямова А.Г.* Заметки к аграрной истории Альметьевского района / Из истории Альметьевского района. Альметьевск, 1999.
3. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. М., 2000.
4. *Стариков С.В.* Казанская левозеровская альтернатива продовольственной политике Наркомпрода (май-июль 1918 г.) // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право. Сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань, 2012.
5. *Гагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999.